

ДИСКУРСИВНЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖА В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Кошарная С.А., доктор филологических наук, профессор,
Флигинских Ю.Ю., соискатель,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: исследование художественной картины мира как области реализации языковой личности персонажа с необходимостью предполагает постановку и решение ряда важных вопросов, связанных с необходимостью дальнейшей разработки теории и практики лингвокультурологии текста и слова, в том числе – с осмыслением языковых единиц как составляющих художественного пространства и репрезентантов художественной языковой личности. При этом речевой портрет персонажа относится к его художественно-языковому изображению (портрету – в традиционном литературоведческом понимании) как частное – к общему, однако такое отношение не отменяет ведущей роли именно речевого портрета в дискурсивном представлении героя.

Исходя из этого, в работе подвергаются анализу как лексические, так и синтаксические средства создания речевого портрета персонажа в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». При этом данные средства рассматриваются как элементы дискурса, в связи с чем мы вводим рабочий термин «дискурсивное средство», трактуя данный феномен как средство углубления и расширения смыслового содержания высказывания. К таким дискурсивным средствам могут быть отнесены этикетные единицы, средства вербальной агрессии, которые задействуются в различных диалогах персонажей и являются не только единицами языка, но и знаками этнокультуры.

Ключевые слова: лингвокультурология, роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», языковая личность персонажа, коммуникативная функция, дискурсивное средство, диалог, речевой этикет, речевая агрессия

Введение

Сегодня актуальным направлением в лингвистике становятся интегративные исследования языковой художественной картины мира, постулирующие комплексный лингвокультурологический и дискурсивный подходы к анализу языкового материала. Исходя из того, что «реализуемые в процессе коммуникации интенции субъектов прямо связаны с ситуацией и социокультурным контекстом, социальными и ситуационными ролями, складывающимися отношениями, установками и пр.» [8, с. 61], мы вводим рабочий термин «дискурсивное средство», трактуя данный феномен как средство углубления и расширения смыслового содержания высказывания. К таким дискурсивным средствам могут быть отнесены этикетные средства, средства вербальной агрессии, которые задействуются в различных диалогах персонажей.

Материалом исследования послужили реплики центральных персонажей романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». В целом фактический материал включает 310 стилистически маркированных лексем и фразеологических единиц, функционирующих в речи персонажей; 306 употреблений этикетных средств; 189 контекстов, включающих средства речевой агрессии персонажей.

Цель исследования – охарактеризовать языковые средства, организующие дискурс центральных персонажей романа.

Основными *методами* исследования выступают общенаучные методы описания, обобщения; лингвистические методы (стилистический анализ, отражающий специфику употребления стилистически маркированной лексики тем или иным пер-

сонажем романа; метод лингвокультурологической интерпретации лексики, участвующей в формировании речевых портретов персонажей).

Актуальность исследуемой проблемы

Анализируя речевые партии персонажей романа, мы исходим из положения о том, что в широком смысле стилистика речи («идиостиль») героя художественного произведения напрямую связана с коммуникантом, с которым происходит взаимодействие, и, как следствие, в различных коммуникативных ситуациях реализуются разные стереотипы общения. В этом ключе очевидна значимость художественного диалога и функционирующих в нём образных и стилистически маркированных единиц [3, 4, 5, 6, 7, 9, 10].

Исходя из этого положения, мы выделяем равновесные и разновесные диалоги внутри романа. Под *разновесными диалогами* нами понимаются акты коммуникативного взаимодействия, в которых выбор дискурсивных средств находится в зависимости от ситуации общения, участника коммуникации и коммуникативных задач, которые ставит перед собой персонаж как языковая личность.

Результаты исследования

Дискурсивное представление речевых портретов героев романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и лингвокультурологический анализ структурных элементов дискурса позволяют осмыслить их в аспекте феномена языковой личности.

Так, средства речевого этикета в речи **Мастера** включают в себя 32 элемента: лексико-фразеологические средства (11 формул): *прощай,*

очень мило, ради всего святого, с большим удовольствием, умоляю, голубчик, право, мой друг, пожалуй, бог с ним, спасибо; словообразовательные средства: суффикс *-те* как показатель формы 2 лица множ. числа при обращении к одному лицу (12 языковых единиц): *простите, помилуйте, извините, прощайте, успокойте, скажите, расскажите, извольте-с* и др.; морфологические средства (1 единица): *вы = Вы*; синтаксические средства (8 формул): *знаете ли, видите ли, будет с вас, будьте благонадежны, извините меня* и др.

Анализ элементов речевого этикета, функционирующих в речи Мастера, позволяет констатировать, что последние достаточно типизированы и не выделяют данного героя среди других персонажей, однако частотность таких средств выдает в персонаже человека воспитанного: «Ну вы, конечно, человек девственный, – тут гость опять извинился <...>. Его нельзя не узнать, мой друг! Впрочем, вы... **вы меня опять-таки извините**, ведь я не ошибаюсь, вы человек невежественный?» [2, с. 73].

Показателем интеллигентности героя является вводное слово *право*, используемое в следующих контекстах: « – *Помилуйте!* Уж кому-кому, но не вам это говорить.<...> **Право, это странно!**» [2, с. 140].

Средства речевой агрессии в речи Мастера многочисленны. В частности, для Мастера, как и для большинства персонажей, свойственно использование выражений, содержащих лексему *чёрт*: « – *Нет, это чёрт знает что такое, чёрт, чёрт, чёрт!*» [2, с. 377]. Прочие проявления вербальной агрессии единичны.

Вместе с тем для диалогов персонажа характерна определённая разность. Приведём некоторые контексты: « – *Его нельзя не узнать, мой друг! Впрочем, вы... **вы меня опять-таки извините**, ведь я не ошибаюсь, вы человек невежественный?*» [2, с. 140]; « – *Что ты делаешь? – страдальчески прокричал мастер. – **Марго, не позорь себя!***» [2, с. 299].

Средства речевого этикета в речи **Маргариты** включают 24 образования: лексико-фразеологические средства (10 элементов): *здравствуйте, благодарю, благодарю вас, прощай, добрый вечер, мой единственный, мой милый* и др.; словообразовательные средства (8 единиц): *позвольте, позвольте мне, прощайте, простите* и др.; морфологические средства (1 элемент): *вы = Вы*; синтаксические средства (6 формул): *я рада; рада вас видеть; с большим удовольствием* и др.

Разность диалогов характерна для **Маргариты-ведьмы**. Так, в диалогах с Мастером прилагательные *единственный, милый* подчёркивают силу чувств героини по отношению к любимому и

её восхищение Мастером: «**Мой единственный, мой милый**, не думай ни о чём! Тебе слишком много пришлось думать, и теперь буду думать я за тебя. И я ручаюсь тебе, ручаюсь, что всё будет ослепительно хорошо!» [2, с. 379].

В речевых партиях с **Воландом Маргарита-ведьма** проявляет своё почтение и уважение, что подчёркивается использованием обращения *мессир*, личного местоимения *вы*, а также наречия *охотно*: « – *Нет, ничего, мессир, – с гордостью ответила Маргарита, кроме того, что если я ещё нужна вам, то я готова охотно исполнить всё, что вам будет угодно*» [2, с. 291]. В диалогах с другими персонажами зачастую отмечаем прямую речевую агрессию **Маргариты-ведьмы**: « – *Пошёл ты к чёртовой матери. Какая я тебе Клодина? Ты смотри, с кем разговариваешь*» [2, с. 253]. Определённая агрессия выражается и в использовании онима *Наташка*, который имеет уничижительно-пренебрежительный оттенок: « – *Наташка!* – пронзительно закричала Маргарита» [2, с. 250]. Инвективная лексика, которая используется в диалогах **Маргариты-ведьмы**: *убийца, мерзавец* и т.п., усиливает экспрессивность речевых характеристик героини, а также подчёркивает присущую речевым партиям персонажа разность.

Средства речевого этикета в речи **Ивана Бездомного** включают 14 элементов: лексико-фразеологические средства (10 единиц): *извиняюсь, пожалуйста, здорово, умоляю, уверяю вас* и др.; словообразовательные средства (3 единицы): *позвольте, скажите, не пропускайте*; морфологические (1 формула): *вы = Вы*. Синтаксические средства речевого этикета в речи **Бездомного** нами не были зафиксированы.

Речь **Бездомного** носит по преимуществу разговорный характер. Так, использование просторечной формы извинения (*извиняюсь*), а также просторечного междометия «*здорово*» с целью приветствия при встрече вносит определённую фамильярность в поведение персонажа: « – *Здорово, други!*» [2, с. 64].

Контраст в речи **Ивана Бездомного** создаётся и посредством использования патетически возвышенной лексики: *братья во литературе, други* наряду с разговорной лексикой *здорово, натворит*, а также с речевыми штампами советской эпохи, которые используются **Бездомным** в обращении к незнакомым людям: *граждане, гражданин, товарищ*; подобный синтез лексики из разных стилистических пластов характеризует персонаж как человека, принадлежащего к миру идеологизированной литературы и искусства, и подчёркивает комичность речевых ситуаций, в которые попадает «окольный» поэт: «**Братья во ли-**

тературе! <...> *Слушайте меня все! Он появился! Ловите же его немедленно, иначе он натворит неописуемых бед!*» [2, с. 65].

Наибольший исследовательский интерес представляют диалоги Бездомного, в которых проявляется разновесность его общения. Здесь нередко преобладает инвективная лексика, а также выражения, содержащие компонент «чёрт», всё это является свидетельством низкой речевой культуры персонажа: «– *Дура!* – прокричал он, ища глазами женщину» [2, с. 65]; «– *А ты лезешь ко мне со своими глупостями! Крепни!*» [2, с. 66]. Свидетельством низкой речевой культуры персонажа выступают обращения к незнакомым людям с использованием личного местоимения *ты*: «– *А, так ты с ним заодно? – впадая в гнев, прокричал Иван. – Ты что же это, глумишься надо мной? Пусти!*» [2, с. 50]. Приведённые контексты являются также свидетельством эмоциональной неустойчивости персонажа.

В процессе общения Бездомного с Мастером набор языковых средств значительно меняется (что подтверждает разновесность диалогов героя), подобные изменения отмечаем и в конце действия романа, что обусловлено эволюцией персонажа, который «выздоровливает», становится эмоционально устойчивым, уходит с литературного поприща. Сравним: «– *Не ври ты, чего не знаешь!* – рассердился на Рюхина Иван. – *Я, а не ты был при этом! Он его нарочно под трамвай пристроил!*» [2, с. 71]; «– *Слава те господи! Нашёлся наконец один нормальный среди идиотов, из которых первый – балбес и бездарность Сашка!*» [2, с. 69] и в диалогах с Мастером: «– *Да, признаться, без основания, – сконфузившись, ответил Иван*» [2, с. 137] и т.д.

Речевой портрет Бездомного в ходе развития действия романа меняется: исчезает вербальная агрессия, количество стилистически маркированной лексики значительно уменьшается, герой перерождается.

В речи **Иешуа** выделяем следующие этикетные формулы (6 единиц): *добрый человек; чрезвычайно рад; Бога ради; советовал бы; с удовольствием; охотно ... бы*. Данные образования можно назвать лексико-фразеологическими, так как они устойчиво употребляются в текстах культуры. Более того, мы можем отнести их к так называемой «антропоцентрической фразеологии». Примечательно, что лексема *добрый* в речи Иешуа является наиболее частотной: 5 употреблений в тексте, из них 2 единицы в обращении *добрый человек* (в количественный показатель не включена фраза: «*Я, доб..*», в которой не до конца осуществляется коммуникативный замысел высказывания), 3 единицы в контексте употребления сочетания *добрые*

люди. В словаре А.Г. Балакая отмечается, что подобное обращение является «просторечным вежливым обращением к незнакомому» [2, с. 142].

Равновесность диалогов Иешуа проявляется не только в схожем наборе языковых средств, которые он использует вне зависимости от коммуниканта общения, но и в его открытости, ощущении собственной свободы, что находит отражение в содержании его реплик. Например: «– *А ты бы меня отпустил, игемон, – неожиданно попросил арестант*» [2, с. 32].

Для речи **Понтия Пилата** характерен преимущественно приказной тон общения, который позволяет подавлять адресата посредством демонстрации власти, что наиболее ярко представлено во время допроса Иешуа: «– *И не тебе, безумный преступник, рассуждать о ней!* – Тут Пилат вскричал: – *Вывести конвой с балкона!* – И, повернувшись к секретарю, добавил: – *Оставьте меня с преступником наедине, здесь государственное дело*» [2, с. 31].

Подавление адресата наблюдается и в разговоре с первосвященником: «– *Так знай же, что не будет тебе, первосвященник, отныне покоя!*» [2, с. 37]. Вместе с тем в разговоре с Афранием: «– *За нас, за тебя, кесарь, отец римлян, самый дорогой и лучший из людей!* [2, с. 313]; «– *Да пошлют ему боги долгую жизнь, – тотчас же подхватил Пилат, – и всеобщий мир*» [2, с. 314]. Данные примеры демонстрируют разновесность речевых проявлений героя.

Высокая частотность использования в диалогической речи Понтия Пилата глаголов в повелительном наклонении (всего 39 единиц) – характерная черта речевого поведения персонажа как представителя власти. Тем не менее, в речи прокуратора наличествуют и формулы речевого этикета, которые наиболее ярко демонстрируются в 25-й главе романа.

Наряду с большим количеством слов вербальной агрессии для персонажа не чуждо употребление и формул вежливого обращения к коммуниканту. При этом средства речевого этикета в речи Понтия Пилата используются только в диалоге с Афранием (речевая ситуация с первосвященником нами не учитывается, поскольку используемые речевые формулы носят, скорее, вынужденный характер) включают 24 формулы, в том числе: лексико-фразеологические средства (3 конструкции): *благодарю вас; клянусь вам тиром двенадцати богов, ларами клянусь (Лары – в Др. Риме божества-хранители домашнего очага, аналог Пенатов), да пошлют ему боги долгую жизнь и всеобщий мир;* словообразовательные средства (9 единиц): *помилосердствуйте, позвольте, помилуйте, простите, присядьте, не обижайтесь* и

др.; морфологические средства (2 формулы): *хотел бы просить Вас, Вы*; синтаксические средства (10 формул): *прошу вас, прошу принять, прошу выдать, прошу сообщить, от всей души желаю* и др.

Широко употребляемой формулой вежливости в речи Понтия Пилата выступает выражение: *благодарю вас*. Формулы *помилосердствуйте, помилуйте, позвольте*, входящие в состав словообразовательных средств речевого этикета, подчёркивают разность речевой позиции Понтия Пилата.

Средства речевого этикета в речи **Воланда** включают 83 единицы: лексико-фразеологические средства (24 элемента): *добрый день, до свидания, благодарю, заранее благодарю, с удовольствием, пожалуйста, милости просим* и др.; словообразовательные средства (15 единиц): *досточтимый, благодарствуйте, позвольте, не беспокойтесь, извините, разрешите, помилуйте, помилосердствуйте* и др.; морфологические средства (6 единиц): *дражайший, почтеннейший, симпатичнейший, милейший* и др.; синтаксические средства (38 образований): *не угодно ли отведать; не прикажете ли; не будешь ли ты так добр; прошу меня извинить; позвольте вас поблагодарить от всей души* и др.

Разнообразие этикетных формул, характерное для речи Воланда, подчёркивает богатство словаря персонажа, отражающее абсолютное вселенское (внеисторическое) знание персонажа. Отсюда и прямые указания в тексте, например, использование в речи героя формулы уверения в истинности сказанного: *уверю вас*, а также глагола *не беспокойтесь*. Этикетные прилагательные, используемые в речи Воланда, демонстрируют разность диалогов, характерную для данного персонажа: так, в обращении к Фаготу и Маргарите подобные формы демонстрируют уважительное отношение к собеседнику: *любезный/ дорогой Фагот, моя донна, моя дорогая донна, дорогая королева*.

Наряду с большим количеством этикетных формул в речи Воланда отмечаем и средства речевой агрессии. Сочетание форм вежливости и средств вербальной агрессии свидетельствует о том, что для героя характерны разность диалоги: «– *Приветствую вас, королева, и прошу меня извинить за мой домашний наряд*» [2, с. 262]; «– *Скажи мне, любезный Фагот, – осведомился Воланд у клетчатого гаера...*» [2, с. 125]; «– *...достаточно одного беглого взгляда на его лицо, чтобы понять, что он – сволочь, склочник, приспособленец и подхалим*» [2, с. 82]. Некоторые средства вербальной агрессии (*на кой чёрт; проклятый дезертир; окаянный Ганс*), относящие-

ся к синтаксико-стилистическому уровню, не содержат агрессию в прямом смысле этого слова, а носят ироничный характер, поскольку Воланд использует их по отношению к членам своей свиты.

Средства речевого этикета в речи **Фагота-Коровьева** объединяют 72 элемента, в том числе: лексико-фразеологические средства (33 формулы): *извиняюсь, пардон, кушай, весь к вашим услугам, полного счастья* и др.; словообразовательные средства (7 формул): *помилуйте, пожалуйста, как прикажете* и др.; морфологические средства (5 формул): *милейший Иван Савельевич; мои наилучшие, наигорячейшие приветы и пожелания, драгоценнейший, они* (в знач. «он»); синтаксические средства (27 формул): *прошу заметить, прошу принять, прошу получить, прошу за мной, изволили внести, позвольте вас об этом спросить, клянусь вам, приношу вам тысячу извинений, как вы изволили метко выразиться, страшно рад слышать ваш голос, разрешите мне представить вам* и др.

Многочисленные средства речевого этикета, используемые в речи Фагота, нередко имеют ироничный оттенок. Так, например, обращение *душенька*, а также *милочка, красавица*, которые используются в разговоре с продавщицей, имеют конкретную коммуникативную задачу: предложение выстраивается таким образом, что первая его часть содержит комплимент, тем самым смягчая информацию, которая заключена во второй части: «– *Душенька, милочка, красавица, – засипел Коровьев, переваливаясь через прилавок и подмигивая продавщице, – не при валюте мы сегодня... ну что поделаешь! Но, клянусь, вам, в следующий раз, и уж никак не позже понедельника, отдадим все чистоганом!*» [2, с. 361].

Отметим, что в речевых партиях Фагота используются официальные словесные знаки, к которым относятся обращения: *гражданин, уважаемые граждане, господин директор, мадам*, что со своей стороны подчёркивает многоликость персонажа.

Диалоги с участием Фагота по преимуществу оказываются разностьными. Так, в диалогах с почитаемым лицом (Воланд, Маргарита) маркером подчиненной позиции Фагота выступает повторение слов: «– *Верно, верно!* – кричал Коровьев. – *Верно, дорогая Маргарита Николаевна!*» [2, с. 287]; «– *Неприменно придут, очаровательная королева, непременно!* – отвечал Коровьев. – *Чует сердце, что придут*» [2, с. 287]; «– *Разве я выразил восхищение?* – спросил маг у Фагота. – *Никак нет, мессир, вы никакого восхищения не выражали, – ответил тот*» [2, с. 125]. При этом лексические повторы вносят в речевую самопрезентацию Фагота дополнительную экспрессию.

Вместе с тем, средства речевой агрессии подчёркивают порицающую позицию Фагота по отношению к московским обывателям в разновесных диалогах с последними: «*Приедет... и или нашионит, как последний сукин сын, или же капризами замучает: и то ему не так, и это не так!*» [2, с. 100].

Средства речевого этикета в речи Аззелло насчитывают 19 единиц: лексико-фразеологические средства (5 формул): *мир вам, пожалуйста, слуга покорный, мессир, мадам*; словообразовательные средства (5 формул): *простите, позвольте, помилуйте, сядьте, разрешите*; морфологические средства (5 формул): *попрошу вас минутку помолчать; пожалуйста, я вам глубочайше признателен, разрешите мне сказать и др.*; синтаксические средства (4 формулы): *не извольте беспокоиться, изволите ли видеть, могу вас уверить, я и в мыслях не имел вас тревожить*.

Средства речевого этикета, характерные для речи Аззелло в основе своей стандартны. Большое значение для создания лингвокультурного образа хулигана, «шпаны» имеют средства вербальной агрессии, например, *тебя хорошо было бы утопить; его обязательно надо застрелить; убить упрямую тварь*. Речь Аззелло, как и Фагота, зависит от коммуниканта, в связи с чем персонаж в различных коммуникативных ситуациях реализует разные стереотипы общения: «*– Не извольте беспокоиться, мессир, – отозвался Аззелло*» и тут же, обращаясь к Варенухе: «*– Хамить не надо по телефону. Лгать не надо по телефону. Понятно?*» [2, с. 302].

Средства речевого этикета в речи Бегемота насчитывают 28 этикетных формул и включений: лексико-фразеологические средства (9 единиц): *очень, очень приятно; пожалуйста, спасибо, мессир, мэтр, королева* и др.; словообразовательные средства (8 образований): *помилуйте, извините, разрешите, разрешите мне, заметьте* и др.; морфологические средства (2 элемента): *разве позволил бы, они* (в знач. «он»); синтаксические средства (9 формул): *как вы изволите выразиться; мы в восхищении; мы рады; приятно слышать; будь милосерден; я, вероятно, ослышался, мой мэтр, попрошу меня не учить* и др.

Характеризуя средства речевого этикета в речи Бегемота, отметим, что последние отражают природу персонажа: шут. Определённая доля театральности присутствует в использовании таких форм вежливого ответа, как «*очень, очень приятно*», «*извините, не могу больше беседовать*», которые используются персонажем с целью создания смеховых словесных дуэлей.

Средства речевой агрессии в речи Бегемота столь многочисленны. В то же время речь Бегемо-

та также строится на стилистическом и экспрессивном контрасте речевых средств в зависимости от собеседника, на которого направлена речь, что демонстрирует разновесность диалогов, в которых принимает участие Бегемот: «*– Что у тебя в портфеле, паразит?*» [2, с. 115]; «*– Королева... ухо вспухнет... Зачем же портить бал вспухшим ухом?.. Я говорил юридически... с юридической точки... Молчу, молчу...*» [2, с. 276].

В речи Геллы присутствует 4 этикетных знака, представленных словообразовательными средствами: *входите, пройдите*, синтаксическим средством: *Вам что угодно*, а также морфологическим: *Вы*.

Средства речевой агрессии в речи Геллы немногочисленны: «*– Не звони, Римский, никуда, худо будет*» [2, с. 157].

В целом, анализ дискурсивных средств репрезентации речевых портретов персонажей показал, что для всех героев, кроме Иешуа, характерны разнообразие стилистических средств и разновесные диалоги, которые проявляются в различных коммуникативных ситуациях и напрямую зависят от характера собеседника.

«Разновесность» диалогов нередко реализуется посредством синтеза этикетных средств и средств вербальной агрессии. Так, например, речевое поведение ирреальных персонажей из свиты Воланда в диалогическом общении зачастую строится по типу «снизу – вверх» (подчеркнутое уважение, почтение в отношении мессира, Маргариты-ведьмы, разговоры внутри свиты): «*– Верно, верно! – кричал Коровьев. – Верно, дорогая Маргарита Николаевна! Вы подтверждаете мои подозрения!*» [2, с. 287]; «*– Непременно придут, очаровательная королева, непременно! – отвечал Коровьев. – Чует сердце, что придут*» [2, с. 287]; «*– Я это и говорю, – прогнул рыжий и, повернувшись к Воланду, добавил почтительно: – Разрешите, мессир, его выкинуть ко всем чертям из Москвы?*» [2, с. 89].

В то же время их коммуникация с прочими персонажами находится в обратном соотношении, что также позволяет говорить о разновесных диалогах, например, с московскими жителями: «*– Что у тебя в портфеле, паразит? – пронзительно прокричал похожий на kota, – телеграммы? А тебя предупредили по телефону, чтобы ты их никуда не носил? Предупреждали, я тебя спрашиваю?*» [2, с. 115]; «*– Фамилия моя, – ничуть не смущаясь суровостью, отозвался гражданин, – ну, скажем, Коровьев. Да не хотите ли закупить, Никанор Иванович? Без церемоний! А?*» [2, с. 99]; «*– А ты все-таки побегал? Дай сюда портфель, гад! – тем самым гнусавым голосом, что был слышен в телефоне, крикнул второй и*

выдрал портфель из трясущихся рук Варенухи» [2, с. 119].

Равновесные диалоги в романе характерны только для одного героя – Иешуа, что, на наш взгляд, объясняется природой данного образа. Перед читателем предстаёт персонаж, для которого характерно полное отсутствие зла во всех его проявлениях: доброе отношение ко всем без исключения ярко отражается в речи героя. Так, анализируя лексическую составляющую речи Иешуа, мы не обнаруживаем элементов вербальной агрессии, здесь присутствуют только вежливые обращения и нормативная лексика.

Вывод

Лексико-семантический анализ с привлечением культурологического комментария расширяет собственную языковую анализ лексики, функционирующей в речи персонажей, до лингвокультурологического, что позволяет представить персонаж как определенный социокультурный тип и языковую личность, отражающую особенности конкретной исторической эпохи. Говоря о дискурсивных средствах создания речевого портрета, участвующих в диалогических конструктах, отметим, что к ним относятся знаки *вербальной агрессии, этикетные средства, прочие средства построения различных диалогов*. В целом можно утверждать, что персонаж художественного произведения может быть осмыслен в качестве особой (художественной, созданной автором) языковой личности, представляющей собой своеобразное текстовое и дискурсивное единство.

Литература

1. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. Москва: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с
2. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита: роман. Москва: «Мартин», 2006. 448 с.
3. Загоровская О.В. Эстетическая функция языка в соотношении с его основными функциями // Коммуникативная и поэтическая функции художественного текста. Воронеж, 1982. С. 3 – 8.
4. Киселева Л.Ф. Диалог добра и зла в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. 1991. № 6. С. 3 – 11.
5. Мальчуков В.А. Особенности диалога религиозного и светского мировоззрения в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Известия ИГЭА № 3 (89). Иркутск, 2013. С. 156 – 163.
6. Михайлова Е.И. Полисубъективное повествование: средства формального выражения точки зрения в тексте (на материале романа М.А. Булга-

кова «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. 2008. № 3. С. 125 – 129.

7. Никончук О.А. Лексические средства разговорной стилизации (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Научные стремления. 2013. № 4 (8). С. 66 – 69.

8. Павлова Н.Д. Механизмы и средства дискурсивного воздействия // Вестник Костромского государственного университета. 2013. № 3. С. 59 – 62.

9. Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 188 – 195.

10. Сейдалиев К.Ж. Фактор адресата в речевой коммуникации // Текст как отображение картины мира. Вып. 341. Москва, 1989. С. 94 – 98.

References

1. Balakaj A.G. Slovar' russkogo rechevogo jetiketa: 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: AST-PRESS, 2001. 672 s
2. Bulgakov, M.A. Master i Margarita: roman. Moskva: «Martin», 2006. 448 s.
3. Zagorovskaja O.V. Jesteticheskaja funkcija jazyka v sootnoshenii s ego osnovnymi funkcijami. Kommunikativnaja i poeticheskaja funkcii hudozhestvennogo teksta. Voronezh, 1982. S. 3 – 8.
4. Kiseleva L.F. Dialog dobra i zla v romane Bulgakova «Master i Margarita». Filologicheskie nauki. 1991. № 6. S. 3 – 11.
5. Mal'chukov V.A. Osobennosti dialoga religioznogo i svetskogo mirovozzrenija v romane M. Bulgakova «Master i Margarita». Izvestija IGJeA № 3 (89). Irkutsk, 2013. S. 156 – 163.
6. Mihajlova E.I. Polisub#ektivnoe povestvovanie: sredstva formal'nogo vyrazhenija tochki zr-nija v tekste (na materiale romana M.A. Bulgakova «Master i Margarita»). Filologicheskie nauki. 2008. № 3. S. 125 – 129.
7. Nikonchuk O.A. Leksicheskie sredstva razgovornoj stilizacii (na materiale romana M.A. Bulgakova «Master i Margarita»). Nauchnye stremlenija. 2013. № 4 (8). S. 66 – 69.
8. Pavlova N.D. Mehanizmy i sredstva diskursivnogo vozdeystvija. Vestnik Kostromskogo gosuniversiteta. 2013. № 3. S. 59 – 62.
9. Sedov K.F. Vnutrizhanrovyje strategii rechevogo povedenija: «ssora», «kompliment», «kolkost'». Zhanry rechi. Saratov, 1997. S. 188 – 195.
10. Sejdaliev K.Zh. Faktor adresata v rechevoj kommunikacii. Tekst kak otobrazhenie kartiny mira. Vyp. 341. Moskva, 1989. S. 94 – 98.

**DISCURSIVE MEANS OF PRESENTING A SPEECH PORTRAIT OF A CHARACTER
IN M.A. BULGAKOV'S NOVEL «THE MASTER AND MARGARITA»**

*Kosharnaya S.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Fliginskikh Yu.Yu., Applicant,
Belgorod State National Research University*

Abstract: the study of the artistic picture of the world as an area of realization of the linguistic personality of a character necessarily involves the formulation and solution of a number of important issues related to the need for further development of the theory and practice of linguoculturology of text and word, including the comprehension of linguistic units as components of artistic space and representatives of artistic linguistic personality. At the same time, the speech portrait of the character refers to his artistic and linguistic image (portrait - in the traditional literary understanding) as a particular – to the general, however, this attitude does not negate the leading role of the speech portrait in the discursive representation of the hero.

Proceeding from this, both lexical and syntactic means of creating a speech portrait of a character in the novel by M.A. Bulgakov «The Master and Margarita» are analyzed in the work. At the same time, these means are considered as elements of discourse, in connection with which we introduce the working term «discursive mean», interpreting this phenomenon as a means of deepening and expanding the semantic content of the utterance. Such discursive means can include etiquette units, means of verbal aggression, which are involved in various dialogues of characters and are not only units of language, but also signs of ethnoculture.

Keywords: linguoculturology, M.A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita», the linguistic personality of the character, communicative function, discursive means, dialogue, speech etiquette, speech aggression